

УДК 330.341

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ
НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕССОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ПРОБЛЕМНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

М.И. Хабиров

Аннотация

Демократизация политического режима и «маркетизация» экономики как коллинеарные процессы вскрывают целый пласт проблем, связанных с взаимоотношениями важнейших сфер организации общественной жизни – политики и экономики. С опорой на посылку об опосредованности этих взаимосвязей социальными отношениями и институтами в статье излагаются взгляды на характер и направленность более частных зависимостей между демократическим строем и экономическим ростом. В целом отстаивается точка зрения, что демократия и демократизация предоставляют больше условий для экономического роста в его качественном (человеческом) измерении. Среди иных политических детерминант экономического роста в трансформирующихся странах выделено каузальное воздействие на успех экономических реформ исхода первых учредительных выборов, связываемое в основном с радикализмом реформ и дифференциацией политико-экономических сил.

Политика и экономика играют важнейшую роль в жизни современного социума и индивидов, его составляющих. Как представляется, необходимый базис для изучения политики и экономики в состояниях взаимодействия, взаимопересечения дают:

1) общность окружающей среды [1, с. 320; 2, с. 101] – политика и экономика в равной степени детерминируются естественным (социальным в широком смысле) окружением, включающим в себя как материальные, так и духовные основания (устоявшиеся общественные институты, социально-экономическую структуру, ценности, традиции, установки, образцы поведения). Взаимодействия между обществом, политикой и экономикой определяются набором институциональных ограничений и соответствующих организаций, которые регулируют взаимоотношения обмена, аллокации ресурсов и поэтому определяют механизм функционирования политико-экономической системы [3, с. 143]. В этом контексте политическая сфера (“*politics*”, или политика-область [4]) воздействует на экономический рост двояким образом: а) через создание особых институциональных условий, ведущих, по мнению Д. Норта, к «снижению неопределенности, уменьшению затратности информации и транзакционных издержек» [3, с. 18, 45], – это касается как агрегированных, так и индивидуальных акторов; б) через ценностные иерархии, ранжирование и интерпретацию культур-

ных ценностей, оказывающих решающее воздействие на формирование политических приоритетов, таких, например, как ускорение темпов роста и снижение инфляции [5, с. 19, 25].

2) функциональное подобие – выполняя функции регуляции и координации общественных отношений, политика и экономика используют собственные специфические механизмы, при помощи которых «разрешаются социальные противоречия и конфликты, координируются усилия разных общественных групп, организаций и движений, гармонизируются общественные отношения, достигается консенсус относительно основных ценностей, целей и направлений общественного развития» [6]. Вопрос о соотношении политики и экономики здесь становится вопросом об удельной доле, возможном преобладании политических или экономических методов – “*policies*”¹ – в регулировании социальных процессов.

Такая постановка проблемы соотносится с вопросом о принципиальной возможности адекватного (релевантного) описания взаимозависимостей между политической трансформацией и экономическим реформированием, который ставится в большинстве работ по постсоветскому политическому процессу. В своей работе «Причины разнообразия посткоммунистических режимов: что можно считать хорошим объяснением?» исследователь переходов Г. Китчелт поднимает «метатеоретическую» проблему социальных наук, т. е. проблему применимости к политико-экономическим исследованиям каузального (причинно-следственного) анализа [7, с. 51–54]. Соглашаясь с тем, что причинность имеет место в социальных процессах, решение задачи построения достаточного причинно-следственного объяснения автор видит в нахождении приемлемого баланса между структуралистской глубиной анализа и конструированием адекватного субъектно-обусловленного каузального механизма. В качестве иллюстрации первой посылки Китчелт предлагает позвенно отслеживать политические практики и политико-институциональные установления в среднесрочной ретроспективе (около 50 лет) [7, с. 63]. Для выполнения второго условия ученый призывает помнить о том, что любые структурные изменения суть следствия и результат человеческой деятельности, активности политических акторов.

Таким образом, при опосредующей роли социальных институтов и отношений взаимосвязь между политикой и экономикой может принимать вид «мягкой» каузальной зависимости одной сферы от другой, когда изменение в одной сфере при наличии соответствующих условий и предпосылок с высокой долей вероятности ведет к изменению в другой². То есть, например, в условиях демократии при широком сегменте устойчивого среднего класса (достаточно высокий социэкономический статус, доход и образование, прежде всего) можно ожидать, что его представители будут голосовать за уменьшение роли государства в экономике, снижение налогового бремени и упрощение административных барьеров. Во втором случае, *et ceteris paribus*, высокие экономические показатели, более или менее равномерное распределение национального

¹ «...программ, методов действий или самих действий, осуществляемых человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом» [4].

² По аналогии с определением демократии у Пшеворского: «действующие лица знают, что возможно, так как возможные результаты ограничены институциональной структурой...» [8, с. 31].

дохода по основным группам населения в соответствии с так называемой «стандартной социоэкономической моделью политического участия» ведет к распространности конвенциональных форм участия среди представителей среднего класса [9, с. 150].

В зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, от стоящих перед обществом целей значимость и баланс «политического» и «экономического» постоянно меняются. Проблемы соотношения политики и экономики приобретают особое звучание в критические периоды, каковыми являются периоды трансформации одного режима в другой. В моменты «нестабильности, переходности, переменчивости ситуации в обществе и хозяйстве», по меткому выражению отечественного политика и экономиста А. Улюкаева, «растет повальный интерес к политико-экономическим сюжетам» [10, с. 3].

Стоит отметить, что взаимосвязанное рассмотрение политико-экономических проблем переходного периода характерно в основном для западных исследователей (Р. Даль, В. Банс, А. Пшеворский, А. Ослунд, М. Олсон, Г. Эккерт, М. Стивен Фиш и др.). Следуя за объективной действительностью, представители западного научного сообщества, изучающие процессы посткоммунистической трансформации, не могут обойти своим вниманием вопросы реформирования экономики, экономического роста, поскольку смена режима в странах бывшего соцлагеря, как правило, сопровождалась кардинальной перенастройкой в них хозяйственного механизма, изменением форм и содержания экономической политики. В работах иностранных авторов нередко попытки подвести под взаимоотношения политических и экономических факторов трансформации серьезный математический аппарат – привлекается большой эмпирический материал, используются изящные (и/или изощренные формулы)¹, хотя такое стремление может и не всегда оправдано с точки зрения достижения научного результата².

В разработку указанной проблематики среди российских ученых бóльший вклад вносят экономисты (например, Е. Гайдар, В. Мау, С. Глазьев, Е. Ясин, Р. Нуреев) [13, 14], чем собственно политологи. Кроме того, оценка степени взаимовлияния двух общественных подсистем выражается скорее в качественных параметрах, нося характер умозрительных заключений. Исключения, вроде работы все того же Мау, который в соавторстве с Жаворонковым и Янковским предпринял попытку просчитать количественно «политические и правовые факторы экономического роста в российских регионах» [15], довольно редки. С определенной натяжкой сюда, видимо, можно отнести и реализуемый коллективом отечественных авторов проект «Политический атлас современности» [16].

В целом в современной политической транзитологии доминирует парадигма всеобъемлющего демократического перехода (по схеме А→D). В экономической сфере рыночно-капиталистический уклад (в основных своих чертах) рассматривается как не имеющий «сколько-нибудь приемлемой альтернативы» [17, с. 172]. Общим девизом демократического транзита можно избрать его ква-

¹ Впечатляющим в этом плане является исследование Пшеворского и его коллег по соотношению демократии и экономического развития в странах мира с 1950 по 1990 гг. [11].

² О сильных и слабых сторонах качественных и количественных методов см.: [12].

лификацию А. Пшеворским как переход от «авторитарных режимов различных оттенков к демократии и от монополистических, изолированных, контролируемых только государством экономик к надежному в экономическом отношении рынку» [8, с. 10–11].

Вместе с тем, необходимо постоянно помнить об «идеалтипической» сути схем демократизации и перехода к рынку. Признавая, что большая часть обществ переходного типа движется в направлении демократизации, К. фон Бойме не уверен, что «окончательным итогом этого процесса в обозримом будущем станет демократия, полноценная во всех отношениях» [18, с. 503]. Большие сомнения вызывают как определённость исходной точки транзита, протекания социально-политических процессов, так и их конечного результата¹. С. Фиш по истечении первого десятилетия реформ пишет о том, что «опыт посткоммунизма подрывает или, как минимум, не подтверждает основную часть господствующих в сфере анализа демократизации и демократии идей и парадигм» [19, с. 7]. Ко многим странам, в частности к России, до сих пор неприменимы определения «реальная, консолидированная/устоявшаяся» демократия. Частично выход из этой ситуации ищут в попытках решить вопрос, идет ли речь о *смене режимов* (переход от автократии к некоей форме демократии), или наблюдается *внутрирежимное изменение* (переход от одного типа автократии к другому) [20, с. 9]. Либо стремятся объяснить и классифицировать разнообразие посткоммунистических режимов по степени демократизации как «прото-, квазидемократия», «остановленный транзит», «гибридный режим» [21, с. 71–72; 22, с. 78; 7]. Не лучше обстоят дела и с формированием «подлинно» рыночной экономики на основании рецептов «Вашингтонского консенсуса»: разногласия возникают по поводу роли государства и иных политических институтов на разных этапах экономической трансформации, острейшие дискуссии вызывают темпы и динамика проведения реформ².

Тем не менее, в рамках доминирующей парадигмы демократического перехода в разработке находится большое количество научно-прикладных задач, имеющих актуальное значение для стран, находящихся «в транзите» (*“Nations in Transit”*). Так, в качестве объясняющих переменных, которые вскрыли бы влияющие на экономический рост закономерности в отношениях политики и экономики, западные и отечественные исследователи предлагают самые разнообразные социальные, политические, культурные и собственно экономические феномены и процессы:

1. экономические – «стартовая позиция» перед началом экономических реформ, степень (радикальность) либерализации экономики, размеры частного сектора и иностранной помощи, географическое положение и обеспеченность природными ресурсами;

¹ Обстоятельную критику транзитологии в качестве «установки на рассмотрение общества как переходного» см.: [19].

² Возникновение острых и нерегулируемых коллизий ведет к дестабилизации и появлению кризисных потрясений, для предотвращения которых, по мнению лауреатов Нобелевской премии по экономике (2001) Д. Стиглица, Д. Акерлофа и М. Спенса, необходимо закономерное возрастание регулирующей роли государства [23, с. 13].

2. культурные – внутренняя поддержка населением проводимых экономических и политических реформ, культурно-религиозные ориентации, когнитивные рамки и модели поведения;

3. политические – история формирования государственных институтов и характер режима, предшествовавшего социалистическому строю, постсталинские преобразования правящих режимов и модели посткоммунистических транзитов; исход «первых (свободных) выборов», политика действующего режима и т. д.;

4. политико-правовые – гарантии прав и свобод личности, гражданских сделок, свобода СМИ, качество и эффективность правоприменительной системы, стабильно действующее экономическое и иное законодательство и т. п. [5, 24].

В частности, при помощи этих переменных ученые стремятся ответить на ряд конкретных вопросов: каковы политические условия успешного функционирования экономического организма общества? [8, с. 12]. Стимулирует ли демократия рост материального благополучия или препятствует ему? Благоприятствует ли экономическое развитие демократии? [11, с. 1]. Какова та доля политического вмешательства в экономику, после которой общество поворачивается в сторону недемократического государственного устройства? [25, с. 105].

Для ответа на эти вопросы прежде всего обратимся к операционализации категорий демократического устройства и экономического роста/развития, предпринимаемой в научных работах по затронутой проблематике. Наиболее часто встречающийся в соответствующей литературе концепт «демократии» сочетает в себе признаки «полиархии» Даля и формальный «минимализм» шумпетерианской трактовки, т. е. основными существенными признаками такой демократии являются: 1) электоральная конкуренция/сопоставительность и 2) институциональная ответственность правительства (вместе – выборность главы исполнительной власти и легислатуры, наличие более одной партии и гарантированная сменяемость) [11, с. 15; 26, с. 321; 27, с. 41]. При всей ограниченности трактовки она все же дает возможность ухватить сущностные черты демократического способа политической организации, а также может быть достаточно легко формализована. Необходимо добавить, что в принципе для оценки степени демократизации могут быть использованы и более сложные индексы, такие как индексы Freedom House, Ванханена и т. п. [28]. Однако применение комплексных индексов со статистической точки зрения мало что дает, поскольку для элиминации коллинеарности факторов, воздействующих на экономический рост, данные индексы в регрессионных уравнениях приходится рассматривать по отдельности [7, с. 74–75].

Что касается экономического роста, понимаемого как «увеличение масштабов производства и потребления в стране» [29, с. 861–862], то здесь вариантов больше. Во-первых, он может оцениваться просто как показатель ВВП на душу населения, исчисленный по паритету покупательной способности [11, с. 79, 81] (индекс уровня жизни). Последний, дополняемый индексами продолжительности жизни и охвата населения образованием, позволяет оценить экономический рост с точки зрения так называемого «индекса человеческого развития» (ИЧР/ИРЧП) [5, с. 258]. В работе Мау и Жаворонкова в качестве показателей экономического роста используются также данные об иностранных

инвестициях и о приросте числа автомобилей на 1000 жителей. Оба эти показателя отчетливо отражают наличие или отсутствие экономического роста. Первый из них характеризует динамику важнейшего фактора экономического роста. Второй – повышение благосостояния населения как следствие экономического роста [15, с. 19]. Во-вторых, это может быть, как у Фиша, сводный индекс экономических реформ, включающий две компоненты: либерализацию и приватизацию. Первая должна охватывать внутренние цены и рынки, включать внешнюю торговлю, конвертируемость валюты и свободу (в широком смысле) предпринимательства. Оценивается на основе данных Всемирного банка. Уровень приватизации также оценивается на основе данных ВБ, где он берется как доля в ВВП, произведенная частным сектором [24, с. 32–33].

После операционализации основных понятий предлагается перейти к одной из важнейших проблем реформирующихся стран – общему вопросу о соотношении степени либерализации/демократизации политической системы, политического режима и рыночных реформ, т. е. о характере взаимосвязи политических и экономических преобразований в процессе трансформации общества. Соглашаясь в том, что эти коллинеарные процессы связаны между собой, разные авторы дают различные толкования направленности этих связей: одни приводят доказательства в пользу зависимости экономического развития от политических факторов, в то время как другие говорят об устойчиво растущей рыночной экономике как об одной из предпосылок успешного продвижения к демократии. При этом без труда подбираются эмпирические факты, подтверждающие как первый, так и второй вариант взаимосвязи. Интересно, что такие противоположные высказывания можно найти и у одного исследователя: о положительном воздействии победы демократических сил на первых выборах на экономические реформы С. Фиш говорит в “The determinants of economic reform in the post-communist World”, тогда как о «возможном каузальном влиянии» экономического развития на укрепление демократии – в “Democratization’s Requisites: The postcommunist experience” [24, 30].

Анализ литературы показывает, что оба класса суждений имеют свою логику и право на существование. Так, Р. Даль в своей работе касается проблематики соотношения экономического развития и демократических реформ. Отвечая на вопрос о необходимости демократического строя вообще, а также о его преимуществах перед всеми другими в области хозяйственной деятельности, ученый приходит к выводу, что демократия лучше других режимов способствует выполнению таких условий развития общества, как соблюдение прав и свобод, автономия личности и защита её интересов, политическое равенство, процветание и т. п. Особый интерес представляет его тезис о том, что страны с демократическим строем являются более процветающими. Взаимосвязь материального изобилия и демократического устройства объясняется им относительным сходством между представительной демократией и рыночной экономикой, где «государство почти полностью устраняется от регулирования экономики, где рабочие могут свободно менять место работы, где частные компании ведут конкурентную борьбу за расширение сбыта и сохранение ресурсов, а потребитель имеет возможность выбора тех товаров и услуг, которые ему предлагают конкурирующие между собой производители» [17, с. 60]. В этом

с ним соглашается также авторитетный исследователь процессов посткоммунистической трансформации В. Банс: «Демократия и капиталистическая экономика основаны на одинаковых принципах, хотя и приложенных к разным сферам человеческой активности: неопределенность результатов, совмещенная с определенностью процедур» [31, с. 780]. При таком понимании имеет право на существование известная закономерность: не во всех странах с рыночной экономикой установлена демократическая форма правления, но во всех странах с демократической формой правления действует рыночная экономика [17, с. 60]. Отмечаются Далем и иные преимущества этого строя с экономической точки зрения. Например, демократические страны: а) поощряют тягу граждан к образованию, что способствует научно-техническому прогрессу, следовательно, косвенно ведет к экономическому подъему; б) более строго соблюдают законность, следуют принципам независимости судов, т. е. лучше защищают имущественные права и следят за соблюдением обязательств; в) способствуют снижению трансформационных и транзакционных издержек, что отражается на повышении степени эффективности экономики. Таким образом, Даль развивает мысль, в соответствии с которой экономический рост как следствие рыночного капитализма благоприятствует демократизации, а демократия, в свою очередь, предоставляет возможности для экономического развития. С другой стороны, ученый отмечает и негативные моменты, проявляющиеся во взаимодействии демократии и рыночного капитализма. Во-первых, приводится следующий парадокс: рыночно-капиталистическая экономика неизбежно порождает неравенство в доступе граждан к политическим ресурсам (результату конвертации благосостояния, информации, статуса, авторитета и т. п.), нанося серьезный ущерб политическому равноправию. Экономическое неравенство ведет тем самым к неравенству политическому. Во-вторых, речь идет о некоторых неизбежных ограничениях, налагаемых и демократическим государством на свободную деятельность субъектов рынка (антимонопольное регулирование, вопросы владения собственностью и т. д.). Подчеркивается роль государства в создании и обеспечении такого механизма перераспределения доходов, который позволил бы минимизировать или избежать ущерб, наносимый нерегулируемой рыночной экономикой [17, с. 152, 165–171].

Изучая выбор демократических преобразований в Восточной Европе, А. Пшеворский приходит к следующим выводам. «Со статической точки зрения демократические институты должны быть «справедливыми»: они должны давать всем политическим силам шанс время от времени выигрывать в борьбе интересов и ценностей. С динамической точки зрения они должны быть эффективными: даже поражение в демократическом государстве они должны сделать более привлекательным, чем будущее при недемократической альтернативе... Однако при определенных условиях эти требования могут противоречить друг другу, особенно по отношению к экономическим стратегиям... Чтобы быть эффективными экономически, правительствам иногда приходится нарушать некоторые права собственности, пытаясь добиться планируемой эффективности, например, проведя земельные реформы или вызвав массовую безработицу. Институты, проводящие крупные экономические преобразования, не могут защитить все интересы; институты, защищающие все интересы, не являются под-

ходящей структурой для крупных экономических преобразований» [8, с. 57]. В этом с ним соглашается Р. Скидельски: «Пока распределение капитала осуществляется в соответствии с политическими соображениями, перестройка экономики в соответствии с рыночным спросом будет носить ограниченный характер» [32, с. 181]. Ученый предупреждает о возможных отклонениях от нормального протекания процесса демократизации и связывает их, в том числе, с ценой экономических реформ. Данную тенденцию подчеркивают многие исследователи, видя опасность в двух вариантах «порочного круга» (*vicious circle*) взаимозависимости политической и экономической трансформации.

1. Неограниченное использование демократических свобод может повредить продвижению программ экономического оздоровления, связанных с лишениями для граждан [33, с. 272]. В частности, любопытно положение о стратегии «горькой пилюли», соглашаясь с которой, избиратели идут на значительное уменьшение своего потребления, ожидая в ближайшем будущем его восстановления или, что предпочтительней, увеличения. С другой стороны, правительства, избирающие подобную стратегию, подвергают себя риску делегитимизации и, возможно, отставки. Намечается некоторая закономерность – при возрастании у избирателей неудовлетворённости правительство тормозит либо «замораживает» реформу [8, с. 255]. Непопулярные экономические мероприятия центрального правительства зачастую блокируются партиями (особенно в периоды, предшествующие выборам), занимающими места в представительном органе страны. Даже при наличии высокого кредита доверия руководящий аппарат, как правило, нехотя идет на радикальные меры, ограничиваясь по большей части действиями, вызванными скорее тактической необходимостью, например сдерживанием инфляции, нежели стратегическими соображениями создания предпосылок для устойчивого экономического роста, а следовательно, и развития.

2. Второй «порочный круг», наоборот, связан с неограниченным использованием государством своей принуждающей силы для навязывания экономических реформ. Однако, если по примеру российских реалий правительство следует стратегии «шоковой терапии» безотносительно к социальным издержкам реформирования, это, во-первых, вызовет протест и неприятие реформ у населения, а во-вторых, такая политика ведет к обеднению и даже обнищанию больших масс людей, что, в свою очередь, выражается в социальной атомизации и укреплении тенденций поиска «сильной руки» в политической сфере [33, с. 273]. Такие выводы транзитологов подчеркивают зависимость развивающейся экономики от государства и, тем или иным образом, от остальных субъектов политического процесса, с оглядкой на которые вынуждено действовать правительство.

Здесь скрывается, на мой взгляд, основная опасность параллельно-синхронной либерализации, институциональной перестройки политической системы с глубокой трансформацией экономики. Демократизируясь, общество само принимает на себя обязательства по выполнению основных норм и принципов демократического государства, в том числе и по выполнению воли большинства, формализованной посредством избирательного процесса. Поэтому слабость экономической системы, низкий уровень жизни и отмечается исследователями

в качестве негативных условий, препятствующих даже не становлению, а скорее институционализации и консолидации демократического режима в условиях конкретного общества. Выход из этой ситуации некоторые ученые вслед за С. Хантингтоном видят в усилении авторитарных тенденций режима. Так, А. Пшеворский предлагает правительству собрать всю политическую волю и направить её на «продавливание» реформ, поскольку «в определённый момент они пройдут точку, после которой станут необратимыми» [8, с. 265].

Наблюдения показывают, что авторитарные режимы способствуют несколько более высоким темпам экономического роста в целом, однако это справедливо лишь для относительно богатых стран. При этом причины роста ищут в экстенсивном использовании рабочей силы, выплате меньших зарплат, ограничении личного потребления, централизации инвестиционных процессов, т. е. в факторах перераспределительной политики. По отношению к душевому приросту дохода демократии выигрывают вследствие изменений в структуре рождаемости (в сторону уменьшения).

В бедных странах – до 3000 долларов годового дохода на душу населения (в ценах 1985 г.) – места для политики как фактора экономического роста не остается, и режим в них не имеет никакого значения [11, с. 178–179].

Помимо взаимоотношений между демократизацией и экономическим развитием в сфере политико-экономических трансформационных процессов выделяется целый комплекс иных политико-институциональных, социоэкономических и социокультурных предпосылок экономического развития на основе достижения и поддержания высоких темпов экономического роста¹.

Показательной с точки зрения подхода к тестированию самых разнообразных детерминант экономического развития является не раз процитированная в настоящей статье работа транзитолога М. Стивена Фиша². Применение в своем исследовании сравнительного кросс-национального анализа автор обосновывает большей продуктивностью такого подхода для производства теоретических обобщений по поводу взаимозависимостей между политической и экономической трансформацией в постсоциалистических странах. Вместе с тем, ученый признает, что подобные обобщения наносят ущерб глубине и точности описания страновых кейсов.

Зависимой, т. е. объясняемой, переменной у Фиша выступает уровень экономических реформ, взятый на конец 1995 г. Сводный индекс экономических реформ, включает две компоненты: либерализацию и приватизацию.

1. Первые попытки объяснить уровень экономических реформ предпринимаются в рамках самой экономики, для чего используется распространенный в литературе концепт «стартовых (экономических) позиций», который предполагает, что более богатые страны с диверсифицированной экономикой показывают лучшие результаты реформирования. В концепт входят следующие компоненты: 1) показатель ВВП на душу населения (на 1990 г.), 2) масштабы международной экономической помощи и динамика прямых иностранных инвестиций. Полученная переменная скорее отражает динамику процесса перехода,

¹ См. выше в данной работе: переменные, объясняющие экономический рост.

² Указанная работа имеет высокий индекс цитирования в работах, посвященных проблемам посткоммунистической трансформации.

чем «наследие»/«стартовые условия». В некотором роде правильнее даже говорить о том, что успешные реформы формируют благоприятный «инвестиционный климат», т. е. затруднительно с уверенностью утверждать, что является причиной, а что – следствием [24, с. 33–37].

2. С точки зрения культуралистского толкования, одним из элементов «исторически обусловленного базового комплекса ориентаций, установок», влияющего на политико-экономическую жизнь, Фиш, вслед за Вебером, считает религию – «ядро культуры». Отмечается исключительное значение религии в возрождении гражданского общества в странах ЦВЕ в конце 1980-х годов¹.

Для проверки гипотезы о заметном влиянии на зависимую (объясняемую) переменную религиозной детерминанты ученый проверяет положение, в соответствии с которым «западное христианство» (католицизм и протестантство) формирует более благоприятные культурные предпосылки для успешных реформ, затем идет «ортодоксальное христианство» (православие), и далее – нехристианские религии (ислам, буддизм). Дисперсионный анализ действительно показывает, что связь между этими показателями существует, причем страны первой группы демонстрируют большее отклонение, тогда как остальные две группы различаются меньше. Таким образом, подтверждается воздействие культурного фактора, однако опровергается дихотомия христианство vs. нехристианство.

3. Говоря об институциональных факторах, Фиш напоминает о том, что с этой методологической позиции возможны различные объяснения механизма детерминации экономического реформирования. В частности, многие исследования акцентируют внимание на государственных институтах; другие концентрируются на институциональных «микроструктурах», унаследованных постсоциалистическими государствами от предшествующих режимов. В итоге Фиш приходит к выводу, что самым продуктивным для определения политико-институционального фактора экономического роста будет выявить, при какой разновидности республиканской формы правления – президентской, парламентской или смешанной – осуществляются реформы.

В литературе имеются различные точки зрения на то, какая разновидность лучше способствует экономическому успеху. Некоторые считают, что президент лучше законодателей защищен от давления населения, имеет большие временные рамки и свободу для проведения болезненных, но необходимых реформ (Б. Геддс). Другие настаивают на том, что разделение, *взаимо-не-зависимость* исполнительной и законодательной властей в рамках президентализма способны привести к взаимной безответственности или блокированию решений друг друга. Более того, президенты чаще злоупотребляют властью, что выражается в популизме, плебисцитаризме. (А. Штепан, С. Скач). [24, с. 44]. А. Лейпхарт утверждает, что в долгосрочном плане политика «парламентско-пропорционалистских систем» более эффективна, поскольку опирается на широкий

---

¹ Подтверждение автор находит у Липсета, считающего культуру более важной для стабильности и воспроизводства демократии, чем политические институты. Инглхарт относит религию к числу общих индикаторов множества черт, конституирующих национальное культурное наследие. Хантингтон называет религию единственным важным фактором, «отличающим людей одной культуры от другой» (цит. по: [24, с. 40]).

консенсус, согласовывает «желания значительных групп интересов» [34, с. 340–341].

Следуя доминирующей парадигме, автор делает предположение о больших преимуществах парламентаризма, далее следуют полупрезидентские системы и президентские. Признавая несовершенство классификации, Фиш отмечает, что в рассматриваемый период некоторые страны меняли свои системы государственного управления, не во всех из них эта система на момент исследования состоялась, тем не менее государства классифицируются по состоянию на 1995 г. Дисперсионный анализ вновь показывает, что средние показатели экономического развития для парламентских и полупрезидентских систем различаются меньше, чем для президентских.

4. Политико-конъюнктурные детерминанты призваны объяснить изменения, происходившие непосредственно перед, во время и после падения старых режимов. В литературе по транзитам, например, большое внимание уделяется моделям транзитов (Т.Л. Карл и Ф. Шмиттер «Модели транзита в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе», 1991); тому, был ли транзит «навязанным» или вызван активностью масс; был ли старый режим свергнут насильственно или все происходило мирным путем и т. п.¹ Несмотря на то, что основной акцент в таких исследованиях стоит на политических изменениях, Фиш считает схему «моделей и направлений» транзитов в целом применимой и к анализу экономических реформ. Вместе с тем, ученый исключает данные положения из своей работы по причине общей схожести транзитов в постсоциалистических государствах. Так, во всех странах старый режим пал сравнительно быстро. Только в Польше широкое народное движение реально участвовало в смене власти. Лишь в Румынии события развивались с применением насилия.

Намного более перспективной детерминантой этой группы автор считает исход «первых (свободных) выборов», проведенных при смене режимов советского типа. С методологической точки зрения концепт «первых выборов» представляет собой чистый пример «критической ситуации», он измерим, наблюдался в течение примерно 2 лет. Вопрос состоит в том, какие выборы считать «первыми/учредительными». Исторически основная часть таких выборов прошла в ЦВЕ в 1990 г. (1991 г. – Албания). На территории СССР такими можно назвать учредительные выборы, проведенные между провалившейся попыткой августовского путча 1991 г. и провозглашением официальной декларации о прекращении существования Советского Союза в январе 1992 г. (выборы республиканских Верховных Советов, прошедшие в марте 1990 г., можно назвать «первыми/учредительными» только для трех прибалтийских республик)².

Таким образом, в статистическом анализе проверку проходят пять независимых (объясняющих переменных): 1) показатель ВВП/на душу населения (на 1990 г.); 2) масштабы международной экономической помощи и динамика

¹ Большое внимание данному вопросу уделяет А. Пшеворский в главе 2 своей работы «Демократия и рынок» (1999) [8].

² Для оценки влияния результата первых выборов Фиш конструирует сводный индекс, являющийся суммой кодов ответов на 4 вопроса: 1) Кто выиграл первые выборы? 2) Были ли результаты выборов в скором времени аннулированы нелегитимными средствами? 3) Были ли выборы свободными и конкурентными, т. е. открытыми и с количеством кандидатов более 1 на 1 место? 4) Были ли выборы полными или частичными, т. е. включали ли они все важнейшие институты власти в стране или только некоторые из них? [24, с. 48].

прямых иностранных инвестиций (МЭП/ПИИ); 3) преобладающая религиозная традиция; 4) устройство государственной власти; 5) исход «первых (свободных) выборов».

Регрессионный анализ (двух- и многомерная регрессия) данных, по версии Фиша, дает такие результаты: показатели ВВП/на душу населения (в ценах 1990 г.), а также МЭП/ПИИ не объясняют вариации в экономическом реформировании. Первый служит хорошим индексом стартовых позиций, но не самого процесса. Слабая связь второго показателя с объясняемой переменной, видимо, обуславливается недостаточными размерами иностранной помощи (всего за рассматриваемый период около 17 млрд. долларов из Группы ВБ на всех), а также весьма скромными инвестициями (только Венгрия, получившая больше всех в 1989–1995 гг. – 32% ВВП (в ценах 1990 г.), приблизилась к позициям Китая за тот же период, у следующего по объемам реципиента, Чехии, эта цифра составляет 13%, у остальных и того меньше).

Незначительное эмпирическое подтверждение получила религиозная детерминанта экономического развития – страны «западного христианства» показывают лучшие результаты в хозяйственной жизни. Наряду с этим отмечается, что все страны с преимущественно католическо-протестантским вероисповеданием расположены на западе региона (ЦВЕ и Прибалтика) и берут начало своей государственности из германской империи или империи Габсбургов.

Различия в системе государственного управления также играют недостаточно весомую роль в разнице показателей материального благополучия, хотя президенциализм и демонстрирует худшие показатели по сравнению с парламентской и смешанной формами правления.

Самые лучшие и устойчивые результаты в ходе регрессионного анализа достигнуты по детерминанте «итог первых/учредительных выборов». Связь между объясняемой и объясняющей переменными статистически значима и достоверна при различных коэффициентах и конфигурациях регрессии.

Для объяснения данной взаимосвязи автор выстраивает причинно-следственный механизм, включающий в себя цепь причинности с промежуточными переменными, являющимися следствием «первых выборов». Вариативность выборов ведет к разным последствиям и дифференцирует траектории экономического реформирования. Воздействие итогов «первых выборов» распространяется по каузальной цепи посредством факторов первого и второго порядка (рис. 1).

К **первым** относятся смена правящих элит (скорее в инструментальном смысле), т. е. смена руководящего состава – например, в Польше и Чехословакии к власти пришли люди, которые раньше находились в тюремном заключении по политическим мотивам. Между тем в России и Кыргызстане во власть пришло лишь незначительное число диссидентов. Уровень обновления элит, вызванный итогами первых выборов, в свою очередь оказал большое влияние на радикализм первоначальной волны экономических реформ.

В странах, получивших высшие индексы (4 и 5) по оценке учредительных выборов, правительства проводили политику последовательной и необратимой либерализации (вспомним А. Пшеворского с его стратегией «горькой пилюли»), а также вскоре после выборов запустили масштабные программы прива-

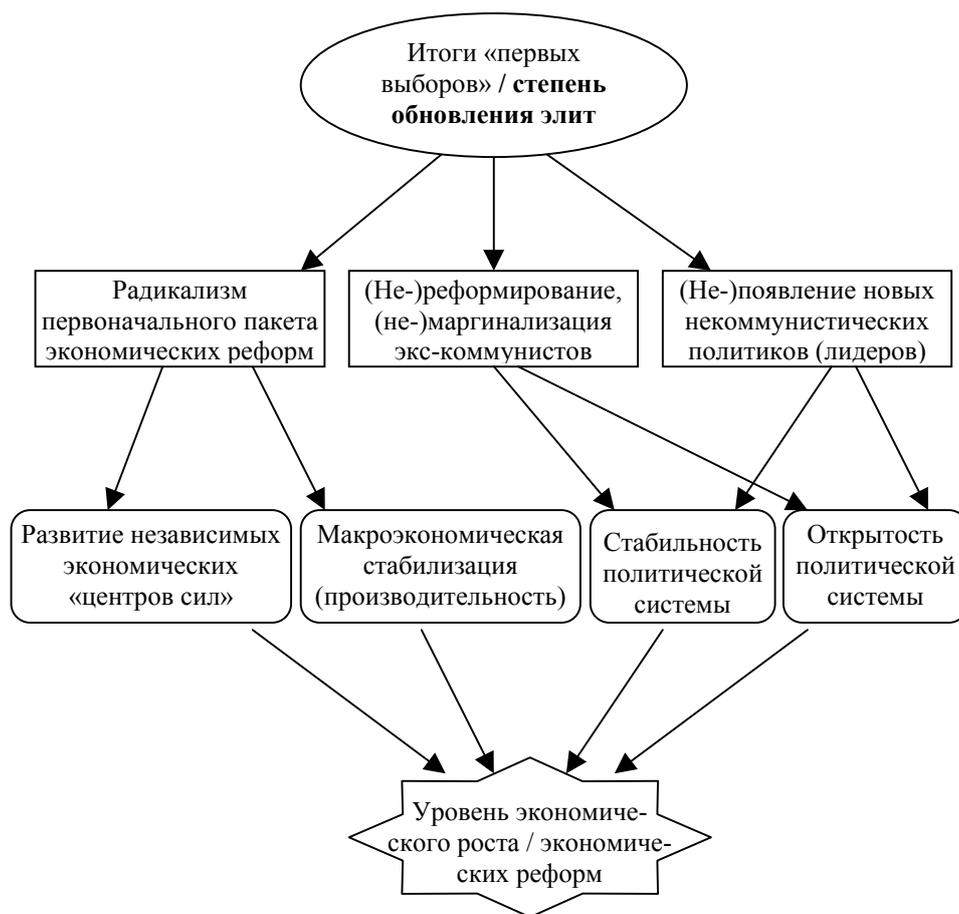

Рис. 1. Причинная модель соотношения итогов «первых (свободных) выборов» и экономических реформ (см. [24, с. 59])

тизации, тогда как ни одно из государств с оценкой «0–2» не стало реализовывать пакет либерализационных мер («Экономическая либерализация и демократия», 1994)¹.

Между тем исход «первых выборов» заложил долгосрочный тренд в экономической политике транзитных обществ, поскольку, несмотря на проигрыш реформистов на последующих выборах в некоторых странах (Литва в 1992 г., Польша в 1993 и 1995 гг., Венгрия в 1994 г.), эти государства остались в числе лидеров экономического роста. Политически данное обстоятельство трактуется исходя из ответа на два вопроса: 1) насколько успешно были реформированы отстраненные от власти компартии; прошли ли они реорганизацию, переосмысление идеологии и включение в партийно-политическую систему общества (как в тех же странах) или они маргинализовались и были отброшены за пределы современного политического процесса? 2) насколько обновился политиче-

¹ Это подтверждает гипотезу Барбары Геддс о том, что «серьезные реформистские шаги легче принимают те политики, которые не были связаны с предшествующей партией, какими-либо группами интересов» [24, с. 60].

ский класс, были ли рекрутированы в элиту либералы/антикоммунисты, диссиденты, молодежь и т. п., которые остались в политике даже после реванша прокоммунистических/просоциалистических сил?

Следствия **второго** порядка непосредственно ведут к зависимой переменной:

а) радикализм экономических реформ привел к *развитию дифференцированных экономических «центров сил»* и социальных групп в обществе (частный бизнес и класс собственников, корпорации в широком смысле). Те, в свою очередь, создали условия для продолжения или, по крайней мере, препятствовали откату реформ. На обсуждение выносятся вопрос о скорости преобразований, к которому примыкают проблемы деполитизации и атомизации населения, активности рабочих масс.

б) *макроэкономическая стабилизация* (производительность) также является следствием радикализма реформ. Более ранние и быстрые реформы, как правило, позволяли легче пройти период негативных темпов роста и высокой инфляции, что позитивно отражалось на электоральной поддержке реформистов массами и элитами. Увеличение налоговой базы отражалось на принятии широких социальных программ, снижавших недовольство оппозиции. И наоборот.

в) и г) *стабильность и открытость политической системы* зависят от степени включенности экс-коммунистов в политический процесс и уровня обновления элит. Реформирование компартий в странах ЦВЕ уравнивало политическую арену хорошо организованной левоцентристской (леволиберальной/социал-демократической) силой, стабилизирующей политический процесс; снижало накал политической борьбы, переводило конфликты в конвенциональные рамки. С другой стороны, появление новых лиц в политике стимулировало появление новых идей, приход во власть талантливых менеджеров, укрепило принципы открытости в рекрутировании элит.

Все указанные следствия достаточно прочно коррелируют с зависимой переменной (индексом экономических реформ), что означает их высокую объясняющую способность в оценке экономического роста в рассматриваемый период.

Подводя итог представленным рассуждениям, необходимо отметить, что раскрытие проблемно-теоретических аспектов взаимосвязи политики и экономики может опираться на схожесть их системно-функциональных характеристик. Во-первых, общество является и внешней средой, и системой, которая своими институтами и отношениями опосредует, структурирует взаимодействие политической и экономической подсистем. Во-вторых, если подходить к определению основной функции обеих подсистем с целерациональной точки зрения, следует указать на нацеленность и политики, и экономики на участие в распределении ресурсов или благ в социальном процессе. Обладая большим (властным) потенциалом для изменения социальных институтов, политика может определять, детерминировать некоторые стороны экономической жизни, такие как экономическое реформирование, экономический рост, особенно в периоды трансформаций.

Достаточно наглядно эта детерминация иллюстрируется процессами политической демократизации и экономического роста/развития. Из комплексности поставленной проблемы проистекают прямо противоположные трактовки зависимостей одного процесса от другого. Вместе с тем, главным выводом, подтверждающим опосредованность политико-экономических процессов социальными отношениями, является заключение А. Пшеворского и его коллег об отсутствии линейной зависимости между демократией и развитием: «Экономическое развитие не генерирует демократию, однако демократии более уверенно сохраняются в богатых обществах» [11, с. 1]. В то же время эта формула, можно сказать, свидетельствует в пользу демократии как «режима наибольшего благоприятствования» для экономического развития.

Одной из важнейших проблем политико-экономической трансформации является нахождение приемлемого баланса между механизмами саморегуляции рынка и компенсаторными, перераспределительными функциями государства, волюнтаризмом политической сферы. Ценой решения этого вопроса, на мой взгляд, является недопущение, по образному выражению либертаристов, «сползания в авторитаризм». Тем не менее, автократические методы решения экономических вопросов часто видятся авторам работ по транзитологии неизбежными.

Анализ комплекса среднесрочных факторов, влияющих на экономический рост, приведенный с опорой на работу М.С. Фиша, показывает, что самым релевантным фактором в условиях перехода к демократии и рыночной экономике оказался исход «первых свободных выборов». Механизм каузации экономических успехов политикой в таком случае привязан к обновлению политической и экономической элит. Смена руководства легитимным конкурентным путем дала возможность правительствам стран ЦВЕ осуществлять решительные действия по либерализации, оздоровлению национальных экономик и переходу к устойчивому экономическому росту. С другой стороны, нельзя утверждать, что последующие выборы не оказывают никакого значимого эффекта на экономическую жизнь трансформирующихся стран. Кроме того, как и всегда в социальных науках, встает вопрос о бесконечной причинной регрессии. А что ведет к тому или иному исходу «первых выборов»?

В связи с этим мне кажется, что во взаимосвязи политики и экономики было бы неверным игнорировать «закон многофакторной детерминации» и редуцировать все многообразие отношений к какому-либо одному виду. В теоретическом плане большей эвристической ценностью обладает подход Г. Китчельта, настаивающего на необходимости включать в изучение политических детерминант экономического роста долгосрочные структурные факторы, такие как практика госстроительства и способы мобилизации «вторичных» ассоциаций (партий, групп интересов) перед «внедрением» социализма, институциональный дизайн, географическая и культурная включенность в систему общеевропейских отношений и ценностей (в том числе политических).

Summary

M.I. Khabirov. The link between politics and economy on the examples of democratization and economic growth: problems and theoretical aspects.

The democratization of political regime and “marketization” of economy taken as co-linear processes reveal the entire layer of problems linked to co-relations between the two most important spheres of social life organization – politics and economics. Supported by the hypothesis, that those co-relations are mediated by social relations and institutions, the article develops the views on character and direction of particular dependencies between democracy and economic growth. In whole, the author states that democracy and democratization are more capable of economic growth in its quality (personal) dimension. There is a strong causal influence of “initial elections” on economic reform success found among the other political determinants of economic growth in transforming countries. And it is generally explained by the radicalism of the reform and the “development of loci of independent political and economic power”.

Литература

1. *Истон Д.* Категории системного анализа // Политология: Хрестоматия / Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – С. 319–331.
2. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Структуры и институты. – 1993. – Т. 1, Вып. 2. – С. 94–122.
3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997. – 180 с.
4. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм [Электронный ресурс]. – М., 1993. – Режим доступа: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=342>.
5. *Эндрейн Ч.Ф.* Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 320 с.
6. *Фарушкин М.Х.* Политическая система общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/teoria/farukshin.php>.
7. *Kitschelt H.* Accounting for Postcommunist Regime Diversity: What counts as a good cause? // Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe. Assessing the Legacy of Communist Rule / Eds. G. Ekiert, S. Hanson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 49–86.
8. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. – 320 с.
9. *Janda K., Berry J.M., Goldman J.* The Challenge of Democracy. Government in America. – Boston: Houghton Mifflin Company eds., 1990. – P. 150.
10. *Улюкаев А.* Экономика и политика эпохи реформ и потрясений. – М.: Евразия, 1997. – 287 с.
11. *Przeworski A. et al.* Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 322 p.
12. *Рэгин Ч.* Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. – М.: МОНФ, 1998. – С. 48–51
13. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997) [Электронный ресурс] / Под ред. Е.Т. Гайдара. – М.: Ин-т экономики переходного периода, 1998. – Режим доступа: <http://www.iet.ru/publics/1000/1000.html>.

14. *Глазьев С.Ю.* Экономика и политика: эпизоды борьбы/ статьи, выступления, интервью. – М.: Гнозис, 1994. – 126 с.
15. *Мау В., Яновский К.* Политические и правовые предпосылки экономического роста в российских регионах // *Вопр. экономики.* – 2001. – № 11. – С. 17–33.
16. *Мельвиль А.Ю.* «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта // *Полис.* – 2006. – № 5. – С. 6–14.
17. *Даль Р.* О демократии. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
18. *Фон Бойме К.* Политическая теория: эмпирическая политическая теория // *Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна.* – М.: Вече, 1999. – С. 495–506.
19. *Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис.* – 2001. – № 4. – С. 6–36.
20. *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. // *Полис.* – 2004. – № 4. – С. 6–27.
21. *Мельвиль А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Полис.* – 2004. – № 2. – С. 64–75.
22. *Лебедева Т.П.* Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // *Полис.* – 2004. – № 2. – С. 76–84.
23. *Абалкин Л.И.* Логика экономического роста. – М.: Ин-т экономики РАН, 2002. – 228 с.
24. *Fish M. Steven.* The determinants of economic reform in the post-communist World // *East European Politics and Societies.* – 1998. – V. 12, No 1. – P. 31–78.
25. *Бергер П.* Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). – М.: Прогресс – Универс, 1994. – 320 с.
26. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995. – 425 с.
27. *Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство // *Вопр. философии.* – 1994. – № 3. – С. 37–48.
28. *Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И.* Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа // *Полис.* – 2006. – № 5. – С. 39–57.
29. *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. – М.: Кн. мир, 2003. – 895 с.
30. *Fish M. Steven.* Democratization's Requisites: The postcommunist experience // *Post-Soviet Affairs.* – 1998. – V. 14, No 3. – P. 212–247.
31. *Bunce V.* The Political Economy of Postsocialism // *Slavic Review.* – 1999. – V. 58, No 4. – P. 756–793.
32. *Скидельски Р.* Дорога от рабства. Об экономических и политических последствиях краха коммунизма. – М.: «Ad Marginem», 1998. – 238 с.
33. *Elster J., Offe C., Preuss U.K.* Institutional Design in Post-communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 350 p.
34. *Лейнхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий // *Современная сравнительная политология.* – М.: МОНФ, 1998. – С. 324–343.

Поступила в редакцию
25.01.07

Хабилов Марат Ирекович – аспирант кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: mar15@bk.ru